
КАТЕГОРИЯ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ» В ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ: БУРЖУАЗНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ XX в.

Р.В. Мамедов

Кафедра теории и истории государства и права
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена исследованию теоретических интерпретаций понятия «государственный суверенитет» в буржуазной политико-правовой науке XX в.

Ключевые слова: государственный суверенитет, суверен, государство, суверенная власть, культурно-исторические факторы.

В XX в. в зарубежной правовой науке утверждаются позитивистские трактовки государственного суверенитета. Одним из «камней преткновения» в теоретических спорах о содержании государственного суверенитета в этот период становится проблема соотношения государства и права, из-за которой происходит размежевание зарубежных политико-правовых теорий на два направления. В этот же период появляется попытка отказа от понятия «суверенитет».

Сторонники первого направления предпочитают использовать термин «суверенитет права», превращая государство в инструмент права, иногда отождествляя государство с правом. В таких теориях из конструкции государственного суверенитета и государства исчезает элемент силы, принуждения. Таковы теории нормативистов, к числу которых можно отнести Г. Краббе [11], Ф. Штир-Зомло [5], Г. Кельзена [4]. По сути, в этих теориях исчезает не только и не столько «силовой» элемент, сколько само государство и сам государственный суверенитет. Сторонники второго направления (Г. Геллер [10], К. Шмитт [13]) выдвигают на первый план государство, утверждая, что его суверенитет предполагает в том числе и возможность противопоставлять себя праву.

Думается, что в обоих случаях принцип суверенитета ставится под сомнение. Причем эта тенденция характеризует целый ряд совершенно самостоятельных политико-правовых концепций. Так, сторонники социологического направления в юриспруденции (Л. Дюги [7], Г. Ласки [12]) игнорируют юридическую сторону суверенитета, нормативисты, как было указано выше, не видят в суверенитете реального, фактического. То есть суверенитет растворяется либо в системе социальных сил, либо в системе абстрактных норм.

И.Д. Левин систематизирует различные способы отрицания суверенитета в буржуазной юридической науке Нового времени, полагая, что к их числу следу-

ет отнести: 1) концепции правового государства; 2) юридический монизм; 3) социальный плюрализм [2. С. 31]. Во всех трех способах используется конструкция международного права.

Так, с точки зрения концепции правового государства суверенитет несовместим ни с международным, ни с внутригосударственным правом, ни вообще с правовым регулированием государственной власти (видимо, в первую очередь, из-за идей о неограниченном характере полномочий верховного правителя, развивавшихся вплоть до Нового времени). Последователи юридического монизма в теории государства и права сводят суверенитет исключительно к внутренней компетенции государства и утверждают о примате международного права над национальным правом. Тем самым юридический монизм предполагает несовместимость международного права и суверенного внутригосударственного правопорядка.

Г. Ласки и Л. Дюги утверждают, что внутри государства существует множество социальных групп, выступающих с определенной долей самостоятельности перед государством. Государство, в свою очередь, также признается лишь одной из таких групп. По сути, государство отождествляется с группой людей, осуществляющих власть. В этой связи суверенитет государства — это суверенитет этих лиц. Л. Дюги шел даже дальше своего единомышленника, утверждая, что суверенное государство находится при смерти, а в ближайшем будущем установится такой политический строй, из которого будет изъято понятие государственной власти. Отрицание суверенитета Л. Дюги связывает с отрицанием правотворческой роли государства. По его мнению, государство не создает право, а лишь постулирует его как меру общественной солидарности. Право оказывается также обязательно для государства, как и для любого гражданина.

Другой французский ученый Карре де Мальбер отождествляет государство и нацию. Тем самым он пытается обосновать, что государство — это и есть нация, одно из ее «лиц». То есть государственный суверенитет отождествляется с национальным суверенитетом, а само разделение суверенитета отрицается. Национальный суверенитет призван противостоять народному суверенитету. Последний, по мысли Карре де Мальбера, угрожает государству, поскольку предполагает неограниченную демократию, где государству остается не так уж много места. Сущность же национального суверенитета предполагает, что нация, существующая в рамках организованного государства, является единственным источником и носителем верховной власти, суверенитета. Суверенитет принадлежит именно всей нации в целом и не делится между ее членами. Инструментально власть осуществляется государственными органами [6]. Государство рассматривается в качестве юридической персонификации нации.

Схожих позиций придерживался М. Ориу [1. С. 71–77; 8; 9], противопоставлявший национальный суверенитет народному суверенитету на основе того, что если первый предполагает четкую социальную и политическую организацию, то последний стихийен и беспорядочен. Только национальный и государственный суверенитет, по его мнению, является формой политического суверенитета и может создавать право.

Следует отметить, что среди политико-правовых теорий Нового времени присутствуют и те, которые пытаются дать объяснение как политическим, так и правовым составляющим государственного суверенитета. Так, представитель английской аналитической школы в юриспруденции Дайси предлагает конструкцию, в соответствии с которой юридическим сувереном признается парламент (здесь наблюдается явная преемственность по отношению к более ранним представителям английской юриспруденции, например, Остину), избирательный же корпус, то есть народ, является лишь политическим сувереном, поскольку его воля не признается правом. По сути, с одной стороны, Дайси признает за народом возможность быть носителем суверенитета, пусть и политического, а с другой стороны, тут же объявляет его волю лишенной какого-либо юридического значения.

Американский конституционалист У. Уиллоуби выдвигает юридическую концепцию государственного суверенитета [3]. Примечательно, что в ней происходит совмещение англо-саксонских и немецких правовых теорий государства, власти и суверенитета. Государство рассматривается им как орудие создания и реализации права. Политически организованное общество, характеризующееся единством, является личностью в юридическом смысле слова, носителем прав и обязанностей. Государство — это выражение такой личности. Суверенитетом же является присущая этой личности высшая воля, следствием которой является правомерность действий любого лица, находящегося под властью данного государства. По терминологии У. Уиллоуби, государственный суверенитет — это верховная юридически легитимирующая воля государства, правовое всемогущество государства, неограниченная правовая компетенция государства. Государство устанавливает границы правового регулирования, сфера прав и свобод личности такова, какой ее хочет видеть государство.

Г. Краббе отстаивал точку зрения, в соответствии с которой понятие суверенитета следует заменить на понятие «авторитет права», являющимся следствием общности интересов. Общность интересов отождествляется им с государством, за которым признается абсолютный неограниченный суверенитет, который, в свою очередь, не отождествляется с полномочиями правителей.

Возвращаясь к теории Г. Кельзена, отметим, что государство в ней отождествляется с правопорядком, следовательно, суверенитет признается лишь свойством правопорядка. Теория Кельзена близка к учению о суверенитете права (Г. Краббе), предполагающей верховенство безличных норм права. Согласно Кельзену, власть любого правителя имеет юридическое значение лишь на основании определенной правовой нормы. При таком понимании государства и права Кельзен приходит к выводу, что полномочия государственному правопорядку делегированы международным правопорядком. Это означает, что по сути Кельзен отрицает суверенитет, делая его производным от международного права.

Теория Кельзена была подвергнута существенной критике со стороны немецкого государствоведа Г. Геллера [10]. Геллер противопоставляет концепции Кельзена взгляд на государство как на реальную силу, последнюю инстанцию в

социальной жизни, имеющую право окончательного решения всех вопросов. При этом государство рассматривается в качестве орудия межклассового примирения. Все социальные группы, даже если они не одобряют существующую форму правления, действующее законодательство, все равно обращаются к государству как к последней инстанции, защищающей их права. Тем самым они признают особые прерогативы государства. В основе государства лежит всеобщая воля, воля народа, направленная на удовлетворение интересов всего народа и выражающая некие общие для всех социальных групп интересы. Народ является носителем суверенитета и основой существующего правопорядка. Геллер указывает, что во многих концепциях государственный суверенитет сводится к суверенитету государственных органов. Он же полагает, что описанная им конструкция суверенитета характеризует государство в целом.

Полемизируя с Кельзеном, Геллер указывает, что именно государство как выразитель всеобщей воли делает право позитивным. Государство создает право и, следовательно, стоит над правом, будучи способным отменять и изменять право.

Государство, по мнению Геллера, обладает суверенитетом в силу того, что оно является носителем определяющей воли, выразителем решающего волевого единства на данной территории. Государство характеризуется признаками универсальности и действенности.

Универсальность предполагает право государства выносить окончательное решение по любому вопросу общественной жизни на данной территории. Действенность предполагает фактическую возможность обеспечивать исполнение своих решений. Оба этих признака исключают подчинение государства какой-либо иной воле, кроме вышеописанной.

Таким образом, по мысли Геллера, суверенным является такое универсальное, действенное, решающее единство, которое не подчинено никакому другому универсальному, действительному, решающему единству. Необходимость суверенной власти и вызвана необходимостью обязывать всех членов общества правом.

По мнению Геллера, суверенная власть стоит над правом и связана лишь «этическими конституирующими правопринципами», которые в общем виде сводятся к естественному праву в традиционной интерпретации. Международное право является обязательным только в результате его признания таковым суверенными государствами.

Геллер указывает, что единого международного правопорядка не существует, фактически, по мысли Геллера, международное право — это вариант «внешнего национального права».

В трудах последователей Геллера появляются ряд существенных неизвестных политико-правовой мысли моментов, характеризующих государственный суверенитет. Так, в основе взглядов на государственный суверенитет лежит признание роли государства как организующего центра социальной активности на определенной территории. Суверенитет как признак государства лишь обеспечивает выполнение функций государства. По сути, суверенитет теряет свой

властный характер, превращаясь в организацию функций. Таким образом, из конструкции суверенитета вытравливается властно-нормативный элемент.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. К XX в. политико-правовая мысль сформулировала представление о суверенитете как о некой формально-юридической категории, являющейся свойством государственной власти, но не отождествляемой с ней.

Буржуазные интерпретации категории «государственный суверенитет» в новое время оказываются еще в более подчиненном положении по отношению к политическим интересам, чем предшествующие им концепции государственного суверенитета.

Основными социально-политическими факторами, оказавшими влияние на развитие концепций государственного суверенитета в Новое время, стало обострение социально-политических противоречий в современном обществе, а также раскол мира в XX в. на социалистический и капиталистический лагерь.

Наконец, с учетом того, что в XX в. монархия как форма правления уступает позиции республике, на задний план отходит персонификация государственного суверенитета в лице верховного правителя. По той же причине актуальной становится идея об ограничении верховной власти.

Наконец, особое значение для политико-правовых интерпретаций категории государственного суверенитета приобретает внешнеполитическая обстановка и развитие международных отношений, включая потрясшие XX в. две мировые войны. Следствием этого становится анализ конструкции государственного суверенитета сквозь призму соотношения международного и национального права.

Под влиянием вышеуказанных факторов историко-политического характера содержание концепций государственного суверенитета в исследуемый период претерпело следующие изменения.

«Камнем преткновения» в политико-правовых интерпретациях государственного суверенитета становится элемент силы, принуждения, который либо отрицается, либо отходит на второй план.

В противовес конструкции государственного суверенитета появляется понятие суверенитета права, предполагающее, что право как идеал противостоит государству как произволу.

В зарубежной науке актуализируются различные способы отрицания суверенитета. Однако эти способы пока являются «внешними» по отношению к концепции суверенитета (со «внутренними» способами отрицания суверенитета зарубежная юридическая наука столкнется позже, когда в активную фазу войдет развитие концепций делимости суверенитета, его ограниченности и т.д.).

В зарубежной науке предпринимаются первые систематизированные попытки дать объяснение как политическим, так и правовым составляющим государственного суверенитета.

Впервые подробно научному осмыслению подвергается территориальный характер государственного суверенитета. В этой же связи активизируется

исследование государственного суверенитета сквозь призму соотношения международного и внутригосударственного права.

Предпринимаются попытки легитимировать суверенитет посредством использования конструкции «общей воли», в связи с чем суверенитет становится в политико-правовой мысли свойством именно государства в целом (пусть в отдельных случаях и являющегося персонификацией нации, народа), а не его отдельных органов или верховного правителя.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Воротилин Е.А.* Политическая теория М. Ориу // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 1978. — № 1.
- [2] *Левин И.Д.* Суверенитет. — СПб., 2003.
- [3] О современном этапе развития конституционно-правовой науки за рубежом // Современное буржуазное государственное право. Критические очерки: В 2 т. — М., 1987.
- [4] Чистое учение о праве Ганса Кельзена. — Вып. 1., Вып. 2. — М., 1987.
- [5] *Штур-Зомло Ф.* Политика в связи с государственным правом. — СПб., 1907.
- [6] *Carre de Malberg R.* Contributions a la theorie generale de l'etat. — P., 1920.
- [7] *Duguit L.* Les transformations du droit public. — P., 1948.
- [8] *Hauriou M.* Aux sources du droit: le pouvoir, l'ordre et la liberte. — Caen, 1986.
- [9] *Hauriou M.* L'institution et le droit statutaire. — Toulouse, 1906.
- [10] *Heller H.* Rechtsstaat Oder Diktatur. — Frankfurt-am-Main, 1930.
- [11] *Krabbe H.* The Modern Idea of the State. — L., 1922.
- [12] *Laski H.* Foundations of sovereignty and other essays. — New-Haven, 1921.
- [13] *Schmitt C.* Theorie de la constitution. — P., 1989.

THE CONCEPT OF STATE SOVEREIGNTY IN FOREIGN POLITICAL AND LEGAL SCIENCE: BOURGEOIS INTERPRETATIONS OF XX CENTURY

R.V. Mamedov

The Department of Legal Theory and History
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the analysis of the theoretical interpretations of the concepts of state sovereignty in bourgeois political and legal science in XX century.

Key words: state sovereignty, sovereign, sovereign authorities, conditions of cultural and historic nation.